

рует на пересказ заграничной истории, хотя по её ставшему хмурым, недовольному лицу было видно, что кроме возмущения он ничего у неё не вызвал. И она, чуть замедлив шаг, резко вскинув «коронованную» голову, произнесла:

— Ничего более дурацкого я не слышала! Но суть моего возмущения ещё и в том, что вы, коммунист, молодой, перспективный руководитель, находящийся у райкома партии на хорошем счету, пересказываете чужую несусветную! Извините, но это не делает вам чести!

Возражать было бесполезно, оправдываться — тем более. И Анатолий Петрович лишь примирительно спросил рассерженную «царицу»:

— А ты сама-то за границей была?

— Нет! И не собираюсь ехать во вражеский лагерь!

— Дело хозяйское! Но всё же как-нибудь съезди, хотя бы потому, что своего противника, чтобы ни в чём не уступить ему ни пяди, надо знать! А когда вернёшься, может быть, и подвернётся случай продолжить наш разговор. Но и сейчас ты не можешь не понимать, что дыма, даже самого незначительного, почти невидимого, без огня не бывает!

Тем временем они давно миновали баркас, так и продолжающий, всё больше ветшая от ненастий, лежать на боку, вышли на просторный алас, с двух противоположных сторон которого возвышались густой, с трудом проходимый ельник. В него, словно вкрадлённые, наполовину своей ширины вдавались пышные кусты щедро расцветшего красного шиповника с торчащими, как пики, острыми иглами-колючками. Его плоды, окончательно набравшие спелость в первые осенне-зимние ночные заморозки, в старину бедными якутами широко использовались в качестве заварки, а целебные свойства позволяли им готовить разные отвары, успешно излечивающие простудные заболевания.

В самом конце аласа вдавалось далеко вправо в сухостойный смешанный лес кочковатое болото, по топким берегам поросшее густой, острой, как лезвие якутского ножа, осокой и высоченным — не ниже человеческого роста! — зелёным камышом. Оно давно бы высохло, если бы не подпитывалось подземными ключами и, протекая через него, не бежал бы довольно широкий ручей, позволяющий

хоза, находившуюся в городе Ленске, в обмен на охотничьи припасы и товары повышенного спроса, сохатину и известную далеко за пределами страны знаменитую якутскую «рухлядь» — колонковые, беличи и собольи меха!

Болото с приходом весны обрасталось в самое настоящее царство ярко-зелёных лугопоглазных с перепончатыми задними лапками крупных лягушек, чьё настойчивое кваканье по вечерам было ясно слышно каждому человеку, проходившему мимо. И он не мог волей-неволей удивлённо не задаваться вопросом: «Это как же эти болотные твари выживают в пятидесятиградусные морозы зимы, длящейся почти целых восемь месяцев?». Нередко можно было увидеть на болоте зычно кричащих длинноногих чибисов и куликов, то и дело перелетавших с одного берега на другой. Не боялись появляться рядом с человеческим жильём и цапли, стоявшие во время отдыха на одной длинной, сухожильной ноге, спрятав остроносый клюв под серое широкое крыло.

Порой и утки, в основном чирки да водохвосты, устроив в камышовых потаённых местах гнёзда, выводили в них своих детёнышей, изредка покидая потайные гнёзда, чтобы, выплыв на чистую воду, подкрепить свои силы травой и разными насекомыми: чернышками с короткими хоботками мухами, пауками с ядовитыми жалами и моторно гудящими стрекозами с прозрачными, как будто стеклянными, рифлёнными крыльшками. Охотясь

Анатолия Петровича, ибо воздвигалось не только под его руководством, но и по проекту, которым он защищал диплом! В другой приезд, не связанный с выполнением важного поручения, он обязательно повёл бы Марию к своему детищу, созданию которого сначала в проекте, а потом и в натуре отдал столько духовных и физических сил! Ведь кроме выполнения сотен различных технических расчётов, десятков детальных чертежей и сметы финансовых расходов, необходимых на возведение такого большого объекта, надо было ещё к диплому написать толковую пояснительную записку аж более чем на двести страницах! Объём романа, только не художественного, а строго технического. А с учётом того, что вся дипломная работа была выполнена не за два месяца, предусмотренных учебным планом, а всего за один, причём неполный, то совсем не трудно подсчитать, сколько же бессонных, тревожных ночей пришлось провести, а днями, порой так увлекаясь проектом, что напрочь забывал о хоть какой-нибудь еде. Единственное, чем в необходимом количестве поддерживалась жизнедеятельность, так это водой из-под крана в туалете, и то для того, чтобы смачивать пересыхающее горло, унять жажду, возникающую от сосредоточенности глаз и выверенности чертёжных движений рук, которые от страшного напряжения иной раз начинали мелко-мелко, словно от нервного стресса, дрожать...

Да, было чем похвалиться, может, даже

лишь ближе к низким берегам покрываться воде бледно-жёлтой ряской. Через него ещё в стародавние времена местные якуты построили бревенчатый мост, благодаря которому беспрепятственно возили из реки питьевую воду и все товары первой необходимости, доставляемые на баржах торговой организацией «Сельпо» из районного центра. А в другую сторону для погрузки в эти же судна подвозилась вся выращенная в летнее время на фермах и полях сельхозпродукция, идущая для снабжение населения многочисленных алмазодобывающих предприятий города Мирный. Зимой же опытные охотники, не один месяц промышлявшие в дремучей заснеженной тайге и вернувшись с богатой добычей, торопились доставить по договору в центральную контору госпром-

на уток, расправив во всю ширь сильные крылья, над болотом часами парили и парили востроглазые грозные коршуны, стремительно, как стрелы, пронеслись пятнистые ястребы. А глубокими ночами, весь день хоронившиеся в глубине леса, прилетали и круглоглазые, в свободном полёте кажущиеся медлительными, не часто машущими крыльями даже ленивыми совы, большие любительницы мышей, которых на прибрежных полянках водилось во множестве.

За болотом виднелся сам наслег. Из всех зданий своими большими размерами выделялась двухэтажная брусовая школа на лиственничных мощных сваях. Её строительство, объявленное бюро райкома чуть ли не всенародным, было непосредственно связано с трудовой деятельностью

и сказать, что на этом свете за весьма короткий срок столько вообще уже наворочено добрых дел, что вправду если не с гордостью, то с удовлетворением оглядываться назад, в недавнее прошлое, смело подводить радующие сердце итоги жизни, пусть и на её начальном этапе! Но они уже вышли на алас, где всё было действительно готово к открытию и проведению праздника в честь якутского Нового года: справа, у самого леса возвышалась в виде площадки трибуна, возведённая из свежего тёса. В нескольких метрах от неё, вкопанные в землю, своим необычным видом радовали взор несколько столбов, поскольку они, называемые «сэргэ», что значит коновязь, были при помощи топора и рубанка с большим мастерством искусно много-фигурно обработаны с низу до верха. На высоте человеческого роста их соединяли свободно висящие верёвочки с привязанными к ним разноцветными ленточками. Лёгкий ветерок, прилетавший с речного простора, играл ими — и они казались неутомимо машущими крыльшками малых птиц: синиц, воробьёв, снегирей! К каждому сэргэ были привязаны упитанные низкорослые, но с длинными густыми гривами и хвостами якутские лошади, славащиеся необыкновенной выносливостью и способностью даже в самые лютые морозы добывать корм из-под метрового снега. Несмотря на людской шум, они сохраняли полное спокойствие, лишь, отгоняя назойливых слепней, хлёстко обмахивали свои крупы хвостами да время от времени коротко фыркали.

От сэргэ в глубину аласа уходили посаженные в два ряда молодые берёзки со

светло-зелёной листвой. К ним тоже были свободно привязаны верёвочки, только без ленточек. Это заметила Мария:

— Анатолий Петрович! Почему так, не скажете?! — спросила она.

— У якутов существует древнее поверье, что каждый, кто во время праздника, привязывая свою цветную ленточку к берёзковой ветке, загадает какое-нибудь, хоть самое сокровенное, желание, то оно рано или поздно, но обязательно в Новом году сполна исполнится!

— А мне, русской, так поступить можно?! — подняв на Анатолия Петровича свои большие глаза, как-то потаённо, вместе с тем весело искривляясь, многозначительно спросила Мария.

— Ну, конечно же! Хотя бы потому, что мы с якутами одной веры! И значит, этот замечательный праздник тоже наш! И ни в коем случае мы не должны чувствовать себя на нём гостями! Запомни, только в духовном единении многочисленных народов, издревле проживающих на одной земле, крепость и сила нашего государства! А ленточку и за меня привяжи, ибо праздник может так увлечь в свой круговорот, что, приняв в нём самое активное участие, я могу забыть о себе...

— Хорошо! Но ведь я не знаю вашего заветного желания!

— А ты за меня пожелай то же, чего хотела бы сама получить от этой жизни, какой бы стороной она к нам сегодня ни обернулась!

Тут Оксана Яковлевна, как только пришли на алас отлучившаяся по неотложным делам, вернулась и, взяв Анатолия Петровича под руку повела его на трибуну, где, уже выстроившись в ряд, чинно одетые, с сосредоточенными лицами стояли официальные гости: председатели местных советов, руководители различных предприятий, в том числе и торговых, всех близлежащих посёлков: Нюя, Солдыкель и Турукта.

Впереди них, почти у самого края трибуны, застыл, как изваяние, старейшина, который внутренне готовился проникновенной речью открыть Ысыах. Был он таких глубоко преклонных лет, что прямые волосы, выглядывавшие из-под невысокой соболиной шапки с красным суконным верхом и на удивление длинная борода, ниспадающая к самому широкому кожаному поясу, украшенному светло-медными узорчатыми пластинками, своей сплошной сединой казалась такой белой, что невольно напоминала первый, самый чистый снег! Длинная рубаха по низу подола и бокам длинных рукавов была отделана беличьим мехом. На поясе в чёрных кожаных ножнах висел нож с берёзовой рукояткой.

Как только Анатолий Петрович вбежал на трибуну, он приветственно поднял руки... Тотчас огромная толпа людей разных национальностей: якутов, немцев, татар, белорусов, украинцев, бурятов, русских — всех не перечислишь! — унявшись, затихла. На аласе установилась такая глубокая тишина, что стал слышен лёгкий шелест листвы молодых берёз, посаженных у сэргэ. И тогда старейшина размеренно, словно подбирая каждое слово, важно заговорил. Уверенным голосом, невидимыми волнами прокатывавшемся над многочисленной толпой, с таким проникновением, так страстно, что даже люди не знающие якутского языка, сосредоточили всё своё внимание на старейшине, пытаясь по выражению его напряжённо-сухого лица понять, о чём он говорил в своей торжественной речи, открывающей Ысыах. И когда он, окончив её, замолчал, они с благодарной силой захлопали в ладоши!

Анатолий Петрович знал, что после старейшины слово предоставят ему. И, получив его, он с сердцем, почему-то вдруг, как птица в ловчих силках, часто-часто забившимся, хотя вроде сильно и не волновался, но, видимо, от сознания, нет, не важности ответственного поручения, а любви к земле якутской, вскружившей его и окрылившей его дух неукротимой жадной творить своё личное будущее, а значит, и всего народа, встал на место старейшины... В начале своего выступления он от имени председателя райисполкома